

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП, ОСОБЕННОСТИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ И САМООРГАНИЗАЦИИ БЛАТНОГО СООБЩЕСТВА

В современном обществе изучением преступности, выявлением ее социальных, исторических, поведенческих особенностей занимается ряд дисциплин, от пенитенциарной педагогики и социологии до криминологии.

Вместе с тем есть существенный пробел в изучении влияния природных предрасположенностей на характер и особенности мироощущения и мировоззрения девиантных личностей. Соответственно, в предлагаемой статье мы собираемся рассмотреть специфику антропологических условий формирования преступного поведения, выяснить особенности душевной организации представителей преступного мира, и в определенной степени «разоблачить» некоторые традиционно-гуманистические мифы преступности как жертвы социальной несправедливости, мести жестокому социуму, «робингудстве».

Известно, что мотивация преступного поведения формируется общими и частными факторами. При этом частные факторы определяются культурными и этническими составляющими.

В российском обществе для обозначения представителей профессиональной преступности прижились термины «блатной», «блатарь». Кто они, какова их природа?

Отвечая на эти вопросы, мы стремимся определить характерный антропологический и психологический типаж блатного сообщества. И даже более «антропологический», так как большинство здесь с необходимостью составляют люди с некоторыми определенными *природными* предрасположенностями, чувствующие себя комфортно от пребывания в среде, которая соответству-

ет этим наклонностям. Меньшинство «попутчиков», «белых ворон» быстро и безжалостно отсеивается, некоторые способны «завязать».

По общему мнению, «блатными не рождаются, ими становятся», однако есть врожденные свойства, более способствующие подобному становлению, на что и указывают ряд теорий. В отдельности эти черты есть у многих людей, *но вместе и в гиперболизованной форме* соответствующего социального задействия в воровской среде они порождают антропо-психологический типаж «блатаря». Этот типаж наиболее ярко обнаруживает себя в странах с развитыми криминальными сообществами – США, Японии, Италии, и особенно России, в которой весь XX в. пенитенциарная система строилась на лагерной основе. Потому «блатарь» – явление во многом специфично русское, хотя и отражающее более ярко и фокусированно общечеловеческий типаж *профессионального преступника*.

Во-первых, это радикально гедонистические натуры, люди, ориентированные на наслаждение и стремящиеся к нему как к своей главной и последней цели. «Это племя, пришедшее на землю – жить» [Солженицын, 1990]. Действительно, ментальность блатаря преследует цель испить чашу жизни до дна, а не пополнить ее. Стремление к чувственным наслаждениям есть, разумеется, у каждого человека, однако только у некоторой части людей оно составляет жизнеобразующую страсть. Может быть, от природы они более интенсивно способны к переживанию эйфорического эффекта и обладают более быстрой органической восстанавливаемос-

тью. Таких людей достаточно и среди нормальных, некриминогенных граждан. Но и здесь, в нормальной социальной среде, гедонистическая натура толкает их на поведение, создающее им большие проблемы.

Мировосприятие этого типа людей концептуализировал еще более двух тысяч лет назад в своей философии Аристипп и его последователи (Феодор), «который мог извлекать наслаждение из того, что было в этот миг доступно». Аристипп осознал свою природу и выразил ее предельно честно. Для «его племени», этой категории людей, «наслаждение является благом, даже если оно порождается безобразнейшими вещами: именно даже если поступок будет недостойным, все же наслаждение остается благом, и к нему следует стремиться ради него самого... Кража, блуд, святотатство – все это при случае допустимо, ибо по природе в этом ничего мерзкого нет, нужно только не считаться с обычным мнением об этих поступках, которое установлено только ради обуздания неразумных» [Диоген Лаэртский, 1979].

Воровская жизнь культивирует радикальнейший гедонизм самых безобразных толков, где brutальные «Аристиппы» и «Феодоры» живут «на износ», в режиме культа наслаждений. Все, однако, имеет свою цену – «блатари сплошь и рядом истерики и неврастеники. Пресловутый “дух” блатаря, способность “психануть” – говорит за расшатанность нервной системы» [Шаламов, 1992]. Девинтологи сейчас начали говорить о таком врожденном признаке, как «сниженная реактивность нервной системы (более высокий порог возбуждения)». Действительно, чтобы чувствовать себя бодро и хорошо, социопат нуждается в резком, более встряхивающем опыте. *Особая конституция* «может объяснять постоянное стремление таких людей к острым ощущениям... их невозможность получать удовольствие от обычных для других людей вещей – музыки, природы, хорошей работы» [Змановская, 2003].

Что входит в ассортимент наслаждений? Традиционные виды: психотропные средства (алкоголь, наркотики), секс, азартные игры, экстремальные ситуации. Однако их частотность и хроническая форма употребления говорят о доминировании радикально-гедонистического природного профиля в натуре этих людей.

Многие люди склонны иногда «погулять», «расслабиться», но «было бы большой ошибкой, – отмечает В. Т. Шаламов, – думать, что понятия “пить”, “гулять”, “развратничать” одинаковы с соответственными понятиями фразерского мира. Увы! Все фразерское выглядит крайне целомудренным в сравнении с дикими сценами блатарского быта» [Шаламов, 1992].

Стандарты воровской сексуальности также варварские в своей норме. «Существо низшее, женщина создана лишь затем, чтобы насытить животную страсть вора, быть мишенью его грубых шуток и предметом публичных побоев, когда блатарь “гуляет”. Живая вещь, которую блатарь берет во временное пользование» [Там же]. И, кроме того, «блатари в большинстве своем – педерасты. Возле каждого видного блатаря вьются в лагере молодые люди с набухшими мутными глазами: “Зойки”, “Маньки”, “Верки” – которых блатарь подкармливает и с которыми он спит...». В одном из лагерных подразделений, – вспоминает в «Колымских рассказах» В. Т. Шаламов, – «блатари приручили и развратили собаку-суку. Ее прикармливали, ласкали, потом спали с ней, как с женщиной, открыто, на глазах всего барака» [Там же].

Играть в азартные игры для блатаря – не просто выбираемый вид развлечения, это «священная обязанность» человека блатного мира, ярчайшее свидетельство характерного «антропологического окраса» данной категории homo sapiens. Характерный природный признак – повышенное стремление к острым чувственным наслаждениям легализован и кодифицирован как обязанность. «Карточная игра ночами напролет приносит им самые сильные ощущения, – отмечает Солженицын, – и тут они далеко превосходили русских дворян прошлых веков. Они могут играть на глаз (и у проигравшего тут же вырывают глаз), играть под себя, т. е. проигрывать себя для неестественного употребления» [Солженицын, 1990].

Наконец, апофеоз выражения жизненного стиля радикального гедонизма мы можем видеть в культе переживаний риска, мгновений «настоящей жизни» – экстремума возможного обострения наслаждения, важнейшей смыслообразующей ценности этого мира. «Блатари говорят, что испытывают в момент кражи волнение особого рода, ту вибрацию нервов, которая роднит акт кра-

жи с творческим актом, с вдохновением...» [Шаламов, 1992].

Другой характерный признак «воровского типажа», судя по «полевым материалам» писателей, волей судеб имевших лагерный опыт, – примитивный, т. е. слабосоциализированный или же *зоологический* индивидуализм.

Благодаря наблюдениям «социобиологии» второй половины XX в., ученые в настоящее время могут уже с большей долей уверенности говорить о врожденности различных форм социальности с разной степенью интенсивности ее проявлений. Что понимается под социальностью? Это врожденная ориентация на включенность, одобрение, согласование, взаимопомощь. Данная ориентация всеобща, антропологична, проистекает из того базисного факта, отмечаемого в качестве бесспорной самоочевидности философами от Аристотеля до Маркса, что человек – «социальное животное». Собственно «индивидуализм» – это скорее ослабленная социальная ориентация, в отличие от своей «сильной» формы или «всеобщности, обязательности» в альтруизме. В «индивидуализме» базовая ориентация становится «избирательной» и «факультативной» или же «социальностью на индивидуальном усмотрении». Индивидуализм может быть «разумным» и «зоологическим». В первом случае – он результат личностного развития, как сознательного распределения в себе сфер компетенции «общественного» и «индивидуального», во втором – предстает как врожденная нехватка социального чувства.

В нашем случае зоологический индивидуализм связан напрямую с первым, базовым признаком рассматриваемого антропopsихологического типажа – гедонистической захваченности организма. Жизнеобразующее стремление к наслаждениям столь велико, что даже социальные нормы людского общежития: труд, ответственность, мера, самоограничение, очередность, справедливость, вознаграждение и пр. воспринимаются как иной, кошмарный, нудный, утомительный, тягучий и однообразный мир, «мир фраеров», под которым, кстати, блатари понимали и мир так называемых мужиков, т. е. тех заключенных, которые «сами по себе», заключенных, которые отличались «дисциплинированностью», лояльностью к режиму заключения. Отсюда «тайна» воровского отворачивания ко всякому труду,

или их вульгарный паразитизм, даже на сокамерниках.

Есть, разумеется, у воровского сообщества своя социальность, однако она децентрализована, обусловлена обстоятельствами, санкции за нарушения воровских норм «закрытости» очень репрессивны. Впрочем, воры гордятся такой анархичностью, «волей», которая очень привлекательна для людей, органично тяготящихся обязанностями, ненавидящих ответственность. Свобода же без ответственности – опасное самодурство.

Следует отметить, что в воровской среде коллективизм присутствует только на словах и в примитивной форме – «кентовстве». «Кент», в понимании блатаря, это скорее побратим, и в местах заключения практически каждый заключенный имеет одного-двух побратимов, в убежденности, что с ними легче выжить. Подобным образом преступные элементы удовлетворяют потребность в общении. Но коллективизм в привычном понимании среди блатного сообщества отсутствует полностью, в случае чего (в любом по сложности случае) – «каждый сам за себя».

Причина подобного состояния дел видится во врожденном недостатке социального чувства или «базовой неспособности к человеческим привязанностям» [Змановская, 2003]: сборище отъявленных себялюбцев может, конечно, договориться в целях паразитарного выживания и совместного служения культуре наслаждения, но никогда не способно будет создать действительное братство. О каком товариществе может идти речь, если основными его заповедями являются:

«1. Хочу жить и наслаждаться, на остальных на...! 2. Прав тот, кто сильнее. 3. Тебя не (дол) бут – не подмахивай! (т. е. пока бьют не тебя, не заступайся за тех, кого бьют, жди своей очереди)... 4. Умри ты сегодня, а я завтра!» [Солженицын, 1990].

Потребность хоть в каких-то подобиях душевной близости и сродства удовлетворяется в тюремных условиях посредством «кентовок», «семей» – небольших, неиерархических группах дружных и помогающих друг другу людей, правда, помощь зачастую ограничивается бытовой взаимовыручкой.

И, наконец, третье основное качество «блатного типажа». Индивид, самозабвенно любящий только себя и собственные наслаждения, не может не быть брутальным. *Брутальность* – третий, сопряженный с ос-

тальными, признак данного антропосоциологического типа. Брутальность – душевная тупость, проистекающая из полнейшего самодовольства и исчезающе низкого уровня рефлексии. Высшая способность человеческого разума – способность отстраненного критического отношения к себе, самоанализ. В среднечеловеческой норме совестливости, ответственности, скромности подобная способность отсутствует у большинства представителей этого «племени». Более того, отсутствие возможности анализировать свои поступки – полбеда, страшнее то, что самоанализ может присутствовать, но не стоит надеяться на критическое отношение содеянному, наоборот, если кто и занимается самоанализом, то результатом будет убежденность, что «все сделано правильно и не мешало бы сделать еще что-нибудь». Это ярчайшим образом проявляется во всеобщем воровском атрибуте – отъявленном хвастовстве, превратившемся у них, как отмечают наши источники, в своего рода «национальное искусство». Вместе с тем никто не может отказать им в операциональном интеллекте – хитрости, смекалке изобретательного ума в достижении профессиональных целей. Однако это уже есть у высших животных-хищников.

Другой стороной брутальности, производной от душевной тупости, является душевная грубость, которую не «утончить» никаким воспитанием и образованием. Общепризнанный пробный камень душевной деликатности – отношение к слабым: женщинам, детям и животным.

«В моральном кодексе блатаря, как в Коране, декларировано презрение к женщине. Женщина – существо презренное, низшее, достойное побоев, недостойное жалости. ... Никакого товарищеского, дружеского отношения к “бабе” блатарь не должен иметь» [Шаламов, 1992].

«От вопросов отцовства, воспитания детей блатарь неизбежно далек – эти вопросы вовсе исключены из блатного талмуда. Будущее дочерей (если они где-нибудь есть) представляется вору совершенно нормальным в карьере проститутки, подруги какого-либо знатного вора. Вообще никакого морального груза (даже в блатарской специфичности) на совести блатаря здесь не лежит. То, что сыновья станут ворами – тоже представляется вору совершенно естественным» [Там же].

Известная тюремная воровская сентиментальность в отношении зверушек и птичек: мол, не любим людей («человек – самый страшный зверь»), но братьев наших меньших – также во многом миф. «Блатари могут приласкать собаку и тут же разорвать ее на куски – у них моральных барьеров нет, а любознательность их велика, особенно в вопросе “выживет или не выживет”» [Там же].

Таким образом, надо отметить, что антропологическая составляющая заслуживает должного внимания при исследовании природы преступности, это в свою очередь не означает того, что меры борьбы с преступностью следует перенять у Ч. Ломброзо. Исправить ситуацию могут только звенья культуры и образования.

Как всякое закрытое сообщество оно имеет тенденцию превращения в некое этноисторическое «племя», приобретает соответствующее специфическое мировоззрение «избранничества», свою историю (предание) и культуру. «Племенное предание» блатного сообщества скудно и недостоверно, что объяснимо особенностями возрастной структуры сообщества: немногие доживают до старости, состояния «пахана», – отсутствует, таким образом, устойчивое звено передачи межпоколенного опыта «племени». Однако и здесь есть свои героические мифы: о легендарных ворах, сага о «сучьих войнах» (почти как «Алой и Белой роз»), противопоставление «воров» и «хулиганов».

«Племенное искусство» основано сплошь на устной традиции, главными его формами являются индивидуальное пение и рассказ («тисканье рбманов»), а также чететка. Большинство песен – переделано и адаптировано из народной или же профессиональной музыки. То же и с рассказами занимательных историй («рбманов»), которые перелицованы из занимательной литературы особыми «сказочниками», которые в почете у воров, как и сказители у примитивных народов. В наши дни, рискнем предположить, сюда, в перечень тем и персонажей, могут добавиться олигархи и кинозвезды, видео, компьютеры и «Феррари».

Откуда происходят подобные лица? Главный источник – брутальная часть молодежи, хулиганская среда, равно как возможная дегенерация части нормальной молодежи. Причем само воровское сообщество достаточно активно «ведет работу» в этом направлении.

Вообще замечено, что чем более маргинальным является сообщество, чем более отверженными от нормальной социальной жизни являются его члены, тем в большей степени ими владеет желание привлечь в свои ряды как можно большее количество людей. Будучи вне норм, типичности, они стремятся, часто в тайне от самих себя, к нормальности укоренения в строе сущего: «такова судьба не только моя и еще горстки отщепенцев, а вполне распространенный, хотя, может, и своеобразный, образ жизни». Подобное желание – прямо либо косвенно «инфицировать» других – мы часто можем встретить у сектантов, наркоманов, больных СПИДом или проказой. Причем им часто, в отличие от сектантов, не приходится прилагать особых усилий по пропаганде своего образа жизни – за них это с лихвой делает современная отечественная масс-культура, создающая вербовочные легенды типа «Бригады».

Вместе с тем «в практике этого ордена, – как отмечает Шаламов, – есть одна важная тонкость, вовсе не замечаемая даже специальной литературой. Дело в том, что этим подземным миром правят потомственные воры – те, у кого старшие родственники – отцы, деды или хотя бы дяди, старшие братья были уркаганами; те, которые выросли с раннего детства в блатных традициях, в блатном ожесточении ко всему миру; те, которые не могут променять свое положение на другое по понятным причинам; те, чья “жульническая кровь” не вызывает сомнения в своей чистоте. ...Каким ты видным грабителем ни будь, какая тебя не сопровождает удача, ты всегда останешься чужаком-одиночкой, человеком второго сорта среди потомственных воров. Мало воровать, надо принадлежать к этому ордену, а это дается не только кражей, не только убийством. Вовсе не всякий “тяжеловес”, вовсе не всякий убийца – только потому, что он – грабитель и убийца – занимает почетное место среди блатарей. Там есть свои блюстители чистоты нравов, и особенно важны воровские секреты, касаемые выработки общих законов этого мира (которые, как и жизнь, меняются), выработки языка воров, “блатной фени” – дело только блатарской верхушки, состоящей из потомственных воров, хотя бы там были только карманники. И даже к мнению мальчика-подростка (сына, брата какого-нибудь видного вора) блатной мир будет прислушиваться больше,

чем к суждениям “порчаков” (происходящих из фраеров) – пусть они будут хоть Ильями Муромцами в грабительском деле» [Шаламов, 1992].

Приведенное здесь несколько длинное свидетельство человека, прошедшего без малого 20 лет в лагерях, ценно объективностью взгляда на тайную структуру блатных с максимально близкой дистанции. Трудно ожидать, что об этом расскажет «перебежчик» из правящей верхушки, хотя там есть, судя по замечаниям тех же источников, сильные рефлексивные умы – закон молчания столь же беспощаден, как и пресловутая «омерта» итальянцев. Очень редко бывает, чтобы интеллектуалы калибра Шаламова и Солженицына оказывались долгое время вблизи этого мира невольными, почти «включенными наблюдателями», оставшись притом живыми и не сломленными.

Из приведенного свидетельства следует признать «фраерским» заблуждением представление о «демократизме» блатного сообщества – «сообщества равных возможностей à la «орден», в котором оценивают по личным заслугам и достоинствам и возможна блестящая карьера для любого новичка. Похоже, что это сообщество сочетает в себе признаки как «ордена», так и «клана», обладая двумя структурами, которые как бы «вложены» друг в друга. Ядро, эзотерическая структура, наиболее конспирируемая по соображениям «воровского паблисити» («демократии и равных возможностей») – в виде клановых структур «принцев жульнической крови» внутри элиты, категории «воров в законе». И видимая, представительная для «воровской публики, электората», экзотерическая правящая группа.

Судя по источникам, в воровском сообществе есть также два типа согласований. Первое, формализованное – в рамках, доступных по языку и культуре пространств (Россия, СНГ, зарубежная диаспора), осуществляется через взаимные визиты главарей и консультации, общие сходы.

Вторая, невидимая структура, базируется на кровно-родственных и «кунацких» отношениях (своего рода воровской «невидимый колледж»). Подобным образом взаимонакладываются структуры «ордена» и «клана».

Гендерная структура блатного сообщества носит ярко выраженный мужской характер, что производно от его воинствующего

сексизма. Есть две группы женщин в воровском мире. Первая, женщины-воровки, значительно меньше второй, они обладают некоторыми правами и уважением. Однако сексизм проявляется в том, что они «политически бесправны» – не допускаются к «правилам» и сходкам, совмещающим в себе все три ветви власти в воровском мире. И, что важно, они не могут быть подругами для фраеров. Вторая, основная группа женщин – обслуга, проститутки, отношение к ним и их собственное самосознание – соответствующие. В воровском мире мало стариков – не доживают, как мало и детей, подростков – это просто обуза.

Блатная идеология как групповое самосознание самоорганизующегося криминального мира является, таким образом, экстремистским мировоззрением крайне дегуманизованного типа. Подобную же степень негативистского клеймения и дегуманизации, какие наличествуют в отношении всех не-блатных (фраеров), мы можем встретить только в расизме. Потому представляется, что прав В. Т. Шаламов, завершивший свои «Очерки преступного мира» сакраментальной парафразой Катона: «Карфаген должен быть разрушен! Блатной мир должен быть уничтожен!» [Шаламов, 1992]. Автор имел в виду, конечно же, воровскую контркультуру, яркую «отрицаловку» с ее носителями сознания и традиций, которые постоянно самогенерируются, активно занимаясь «миссионерско-пропагандистской», идеологической работой.

Уничтожить необходимо эксцессы, «контр-», античеловеческую направленность, вырвать жало у змеи. Сама же змея, увы, неотъемлемый ингредиент мира жизни, как и многочисленные кровососущие насекомые и паразиты. Их можно минимизировать, найти эффективные средства защиты, однако не устранить, без непредсказуемых и нежелательных последствий, из общего строя жизни.

Как естественны, неизбежны национализм, половое соперничество, конфликты

поколений – так и противостояние маргиналов с остальной, большой, нормальной частью социума. Мы не в состоянии контролировать рождение людей с какими-либо отклонениями (мутациями): в широком диапазоне от Х-аномалий, дебилов до «рисковых натур». Также неясно, стоит ли вообще это делать: мутации – атрибут жизни, ее развития. Это же означает, что человеческие популяции постоянно генерируют брутально-гедонистическую часть людей, которые существенно предрасположены к асоциальности и социопатии.

Они будут всегда, как субкультура, но не следует допускать расширения их тлетворного влияния на нормальные культуры и субкультуры. Необходимо осознанно и целенаправленно разрушать установки незнания-сочувствия, романтизации профессиональной преступности. Только разрушив категориальную привлекательность преступности, «Я-концепцию» отрицаловки, ее романтизацию, мы сможем вызвать социально-поведенческие последствия очеловечивания и компромисса.

Список литературы

Змановская Е. В. Девиантология (психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: изд. центр «Академия», 2003. 288 с.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский. М.: Мысль. 1979. 620 с.

Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования: В 3 т. / А. И. Солженицын. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во. 1990–1991 гг.

Шаламов В. Т. Очерки преступного мира / В. Шаламов. Колымские рассказы. М.: Русская книга. 1992. Кн. 2. С. 5–97.